

УДК 001.89
DOI 10.20339/AM.09-24.020

Н.Н. Губанов,
д-р филос. наук, доцент,
профессор кафедры гуманитарных наук
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
e-mail: gubanovnn@mail.ru

ОТ НЕКРОФИЛЬНОГО ТРЕНДА «ПУБЛИКУЙСЯ ИЛИ УМРИ» К БИОФИЛЬНОМУ ИМПЕРАТИВУ «ПУБЛИКУЙСЯ, ЧТОБЫ ПОЛНОЦЕННО ЖИТЬ»

Главная задача статьи – бросить вызов получившему пугающе широко-кое распространение слогану «Публикуйся или умри», который, по мнению многих, кратко передает неолиберальный дух современной научной культуры. В психологическом смысле данный лозунг приобрел вирусный характер, несет в себе мощный деструктивный потенциал и нагнетает ощущение загнанности и безысходности в академических кругах. Если использовать терминологию Э. Фромма, то этот слоган, по своей сути, апеллируя именно к смерти, а не, скажем, к увольнению, смене профессии или чему-либо еще, является выражением некрофильной душевной тенденции, обладает большой заразной и зачаровывающей силой, воздействует на глубинные структуры человеческой психики и катализирует дремлющий в ней разрушительный механизм, направленный против жизни и таких ее фундаментальных проявлений, как спонтанность, непринужденность, непосредственность, антимеханистичность. Назрела настоятельная необходимость противопоставить ему биофильно ориентированный принцип, который в статье предлагается в следующей формулировке: «Публикуйся, чтобы полноценно жить». Обоснование этого императива является не только важной теоретической задачей изучения публикационной активности в качестве органической составляющей интеллектуальной деятельности, но также практическим вопросом психического здоровья и качества жизни научных и педагогических сотрудни-ков. Констатируется, что подлинный интеллектуал не может не стремиться к публикации результатов своих исследований, поэтому всяческое поощрение публикаций следует признать весьма полезным, однако фатальный вред может быть принесен злоупотреблением негативной мотивацией, проявляющейся в установлении жестких сроков, количества обязательных статей, навязывании определенных рейтинговых журналов, угрозах лишить финансирования, не провести по конкурсу на должность и т.д. Чрезмерная негативная мотивация является могучим стрессором, толкающим людей на академическое мошенничество, другие аморальные поступки, а порой даже на суицид, когда буквально реализуется злобещий смысл установки «Публикуйся или умри». Также в статье содержится призыв преодолеть всеобщую одержимость высокорейтинговыми журналами, особенно иностранными, к которым по политическим причинам у отечественных авторов доступ весьма ограничен.

Ключевые слова: слоган «Публикуйся или умри», некрофильное ориентирование, биофильное ориентирование, публикационная активность, интеллектуалы, академическое мошенничество, образование, рациональное знание.

FROM THE NECROPHILIC TREND “PUBLISH OR PERISH” TO THE BIOPHILIC IMPERATIVE “PUBLISH TO LIVE FULLY”

Nikolay N. Gubanov, Dr. Sc. (Philosophy), Docent, Professor of sub-faculty of Humanities at Financial University under the Government of the Russian Federation, e-mail: gubanovnn@mail.ru

The main purpose of the article is to challenge the alarmingly widespread slogan “Publish or Perish”, which, according to many, succinctly captures the neo-liberal spirit of modern scientific culture. In a psychological sense, this slogan has become viral, carries powerful destructive potential and fuels a feeling of being trapped and hopeless in academic circles. If we use the terminology of E. Fromm, then, in its essence, appealing specifically to death, and not, say, to dismissal, a change of profession or anything else, it is an expression of a necrophilic mental tendency, has great infectious and enchanting power, affects the deep structures of the human psyche and catalyzes the destructive mechanism dormant in it, directed against life and such fundamental manifestations as spontaneity, ease, spontaneity, anti-mechanism. There is an urgent need to contrast it with a biophilically oriented principle, which the article proposes in the following formulation: “Publish to live fully”. Justification of this imperative is not only an important theoretical task of studying publication activity as an organic component of intellectual activity, but also a practical issue of mental health and quality of life of scientific and teaching staff. It is stated that a true intellectual cannot help but strive to publish the results of his research, therefore, all encouragement for publications should be considered very useful, however, fatal harm can be caused by the abuse of negative motivation, manifested in the establishment of strict deadlines, the number of mandatory articles, and the imposition of certain ratings. Journals, threats to deprive them of funding, not to hold a competition for a position, etc. Excessive negative motivation is a powerful stressor that pushes people to academic fraud, other immoral acts, and sometimes even suicide, when the ominous meaning of the “Publish or Perish” attitude is literally realized. The article also calls for overcoming the general obsession with highly rated journals, especially foreign ones, to which, for political reasons, domestic authors have very limited access.

Keywords: slogan “Publish or perish”, necrophilic orientation, biophilic orientation, publication activity, intellectuals, academic fraud, education, rational knowledge

«Человек свободный ни о чем так мало не думает, как о смерти, и его мудрость состоит в размышлении не о смерти, а о жизни»
Б. Спиноза. *Этика. Часть 4. Теорема 67*

Введение

В отечественной и зарубежной литературе очень много внимания уделено тренду «Публикуйся или умри» (на англ. «Publish or perish»). Однако в подавляющем большинстве этих работ он рассматривается локально, только в контексте академической сферы, максимум – с привязкой к экономическим процессам. На наш взгляд, необходимо всестороннее исследование данной тенденции в самом широком психологическом и социокультурном контексте. Мы полагаем, что она является лишь одним из частных случаев манифестаций психологического типа ориентирования, названного Э. Фроммом некрофильным. Родственные ей проявления можно наблюдать во всей истории человечества в различных сферах жизни общества: политике, экономике, искусстве, спорте и т.д. Не только по способу формулировки своего кредо (упоминание смерти), но и по многим другим признакам академическая тенденция «Публикуйся или умри» обнаруживает свою тесную связь с некрофильным ориентированием. Последнее формируется в личной и групповой ментальности под воздействием различных неблагоприятных условий существования субъекта, таких как: пагубное влияние ближайшего окружения; социальные катаклизмы (войны, революции и др.); экзистенциальные кризисы различного происхождения, в том числе провоцируемые нарушением в развитии общества закона техногуманитарного баланса, открытого А.П. Назаретяном, и т.д. На основе понимания природы изучаемой тенденции можно разработать ряд рекомендаций, каким образом можно ей противодействовать.

I. Борьба двух видов ориентирования за душу человека

Великий гуманист XX в. Эрих Фромм, раскрывая сущность характерологической некрофилии и поясняя свой способ употребления данного термина, приводит такой случай. В 1936 г. состоялось шовинистическое выступление генерала Миллана Астрея в большом зале Университета Саламанки, во время которого один из восторженных почитателей генерала выкрикнул излюбленный лозунг последнего: «Viva la Muerte!» («Да здравствует смерть!»). Когда генерал закончил выступать, с места поднялся философ Мигель де Унамуну, бывший тогда ректором университета, и произнес небольшую, но сильную разоблачительную речь, начинающуюся словами: «Только что я услышал некрофильный и бессмысленный призыв...» [Цит. по: 1. С. 30]. За этот

демарш Унамуну был смещен с поста ректора и отправлен под домашний арест, под которым пробыл вплоть до самой смерти. По словам Фромма, своим указанием на некрофильный характер приведенного выше лозунга, Унамуну «затронул ядро проблемы зла» [Там же]. Некрофильное ориентирование проявляет себя в использовании в речи слов и сюжетов, связанных со смертью, болезнью, уродствами, расчленениями, кровью, выделениями, экскрементами, грязью, нечистотами и т.д. В поведении оно проявляется тягой ко всему неживому, механическому, страстью к разрушению ради разрушения, склонностью все проблемы и конфликты разрешать только насильем, болезненной приверженностью «закону и порядку», поклонением силе, страхом перед тем, что нельзя контролировать, подсчитать, упорядочить, желанием всё превращать в вещи и обращаться со всем как с вещами [2]. Фромм приводит в пример Эйхмана, который был восхищен бюрократическим порядком и транспортировал евреев так же, как транспортировал уголь. Другой пример: по воспоминаниям одного солдата Второй мировой войны, однажды Гитлер был так зачарован зрелищем разлагающегося трупа, что впал в транс и никак не мог отвести взгляд [1].

Внимательно переосмыслить идеи Э. Фромма автора данной статьи заставили трагические события на Украине последних лет. Например, беспрецедентная жестокость, агрессия и циничность комментариев, сопровождавших события в одесском Доме профсоюзов 2 мая 2014 г., показали, что некрофильное ориентирование – это не что-то выдуманное Фроммом или же оставшееся далеко в прошлом. Нескрываемое удовлетворение, близкое к экстазу, с которым некоторая часть украинской общественности смаковала кадры с обгоревшими трупами, могло повергнуть в шок любого нормального человека. А дальше было больше. В меню некоторых украинских ресторанов начали появляться блюда с названиями типа «Жареные колорады», «Печень ополченца», «Сепар в сметане», компот «Кровь российских младенцев». Апогеем этого сатанизма стало, пожалуй, следующее: «В августе 2022 года в Киеве появилась кондитерская, которая стала предлагать клиентам кексы с фотографиями матерей и жен погибших российских военнослужащих. “Сочные мамки двухсотых орков”, – говорилось в кричащей рекламе подобных услуг» [3]. А вот орг определенных личностей, вызываемый разрушением памятников? Кому и чем могли помешать памятники, стоявшие годами, например, Ломоносову, Пушкину, Горькому, Островскому?! Разрушение ради разрушения. Не будем здесь перечислять все уродливые проявления некрофилии, имевшие и имеющие место на территории некогда братского государства. Достаточно лишь задаться вопросом: а чего можно ожидать от неокрепших умов страны, где официаль-

ный гимн начинается с упоминания смерти: «Ще не вмерла України», а распространенные кричалки неонацистов звучат на все 100% некрофильски: «Слава нації – смерть ворогам!», «Москаляку на гіляку!», «Москалів – на ножі»?! Неудивительно, что значительная часть населения Украины, а особенно молодежь, нахватавшись подобных лозунгов вкупе с другими результатами манипулятивных действий, оказалась охвачена одной из самых злокачественных форм некрофилии.

Но вот обнаружить проявление некрофильной тенденции в академическом лексиконе было для автора статьи чем-то новым и неожиданным. Речь идет о вирусной фразе «Публикуйся или умри» – “Publish or perish”, которую иногда приписывают американскому социологу науки Р. Мертону: «Согласно трудновыполнимому требованию к ученому, сформулированному Р. Мертоном, “...он (научный работник) должен как можно быстрее передавать свои научные результаты коллегам, но он не должен торопиться с публикациями”. Как соответствовать этому требованию, когда над тобой висит как дамоклов меч тезис Р. Мертона: “Публикуйся или умри”?» [4. С. 6]. Однако полностью возводить данный лозунг к Р. Мертону, видимо, неправильно. Из очень интересного исследования «Гибельная гонка. Что прячется за лозунгом “Publish or Perish”?» следует, что обсуждаемая фраза имеет достаточно долгую и темную историю [5]. Приводится интересный факт, что даже основатель Института научной информации США и создатель индекса цитирования Юджин Гарфилд признался, что, хотя и употреблял это выражение последние 30 лет, никогда не видел ссылок на его источник [Там же]. В цитируемой работе использовалась передовая поисковая система Google Books, которая на запрос “Publish or Perish” в интервале с 1920 по 1940 г. выдала 12 ссылок в статусе «snippet» (обрезки, вырезки).

В одной из ссылок от 1939 г. содержится прямое указание, что принцип “Publish or Perish” ввел в оборот президент Гарвардского университета Джеймс Конант (1893–1978). Результат анализа всех полученных материалов в исследовании представлен следующим важным для нас выводом: «Итак, мы видим, что лозунг “Publish or Perish” был изобретен задолго до разработки Ю. Гарфилдом индекса цитирования (1955) и импакт-фактора журналов (1972)... Но настал момент, когда чиновники от науки решили использовать импакт-фактор журнала в качестве критерия карьерного роста ученого и оценки результатов научных исследований, и тогда уже началась настоящая публикационная гонка под лозунгом “Publish or Perish”. Похоже, это произошло тогда, когда Институт научной информации США был выкуплен у Ю. Гарфилда компанией “Thomson” (1992). Зарплата ученого в западных странах стала зависеть от его публикаций в высокоимпактных журналах, а в развивающихся

странах стали вводить публикационные стимулирующие схемы, в рамках которых вознаграждения за журнальные статьи ставились в зависимость от интервала изменения импакт-фактора журналов. Это то, что называют за рубежом Monetary Rewards Systems. Этим воспользовались издатели научной периодики, которые со временем монополизировали рынок этой периодики, прибрав к рукам все высокоимпактные журналы. Это позволило им взвинтить цены на журнальные подписки» [Там же].

Разобравшись немного с историей фразы, вернемся к тому, как нам следует ее квалифицировать. Приведенное выше исследование заканчивается такой оценкой: «Индексы цитирования должны выполнять свою основную роль – отслеживать состояние науки и тенденций в ее развитии, а не служить инструментом публикационной гонки под циничным лозунгом “Publish or Perish”» [Там же]. Данный лозунг, на наш взгляд, не просто циничный, а именно некрофильский и служит емким вербальным выражением сложившейся в современном кибернетическом и забюрократизированном обществе тенденции, психологической базой которой является одно из двух фундаментальных ориентирований человеческой души, проявляющееся, по словам Э. Фромма, в стремлении «превратить органическое в неорганическое посредством “порядка”» [1. С. 35]. Не хотелось бы сгущать краски, но напрашивается параллель между Эйхманом, транспортировавшим евреев как уголь, и теми, кто всерьез пытается ученых и преподавателей мерить «хиршами» и рейтингами и в зависимости от этих чисел вершить судьбы людей и научных начинаний.

Если использовать модель техно-гуманитарного баланса [6; 7], то можно констатировать, что современная ситуация в академической сфере характеризуется тем, что в ней технический, инструментальный, расчетливый интеллект значительно ушел вперед и не скомпенсирован в должной мере гуманитарным интеллектом; это порождает массу негативных последствий, описываемых ниже. Такие взрывоподобно развивающиеся продукты и побочные эффекты технического интеллекта, как информационные технологии, свободный доступ к подавляющему числу публикаций, конкуренция во всех сферах, борьба за выживание всех социальных институтов, коммерциализация науки и образования, многосложная наукометрия, административное принуждение, перегруженность педагогов учебной и квазиметодической работой, не находят соответствующей компенсации со стороны гуманитарного интеллекта, который не поспевает создавать сдерживающие факторы в виде адекватных норм научной этики и эффективных санкций за их нарушение, мер правовой и психологической поддержки ученых и преподавателей, единых прозрачных документов, регламентирующих публикационную активность, способов

контроля со стороны незаинтересованной академической общественности над всемогущими секретарями и редакторами высокорейтинговых журналов, пропускающих только статьи «блатных» авторов, входящих в «тусовку» и «отфутболивающих» все остальные материалы без рассмотрения или только с видимостью таковой и т.д. Иными словами, еще не состоялась культурно-психологическая *притирка (fitting)* [8] общественного сознания к новым возможностям получения и использования информации, к развитой наукометрии и другим порождениям технического интеллекта. А только после такой притирки новые технологии могут в полной мере раскрыть свой позитивный потенциал.

В одной из прошлых работ [9] мы выделили следующие виды академического мошенничества: различные формы плагиата — дословное заимствование, рерайтинг (парафраз), аутоплагиат; фальсификация эмпирических данных; фабрикация ссылок на несуществующие работы для придания видимости подтвержденности своим положениям; выполнение диссертаций на заказ; ложное соавторство; невидимость «соавторов-призраков» (отсутствие в списке авторов лиц, внесших реальный вклад, обычно младших по академической иерархии участников исследования — аспирантов, лаборантов и т.д.); неоправданное цитирование; компиляция под видом научной работы; саботаж — создание препятствий для научной работы другим лицам; организация мнимых конференций. Академическое мошенничество объединяет научное мошенничество и мошенничество в сфере высшего образования и совершается чиновниками в сфере науки и образования, учеными, редакторами и рецензентами журналов, преподавателями вузов, аспирантами, студентами.

Еще один его вид — круговое голосование рецензентов — описанный в исследовании «Сговор и жульничество в академических кругах» [10], особенно нас насторожил. Там приводится рассказ профессора М. Литтмана о лично наблюдавшемся им в 2021 г. «круговом голосовании» на конференции по компьютерным наукам. Сам он узнал о сговоре после того, как его младший коллега поделился мыслями о самоубийстве как возможной альтернативе участию в махинациях. Почему же всё так серьезно? «Ставки очень высоки, ведь принимают всего 15–25% докладов, конференция раз в год, а публикации играют важнейшую роль в построении репутации исследователя и его профессиональном успехе. На академические должности высокая конкуренция, поэтому каждый отказ в публикации — особенно для аспирантов — оказывает реальное влияние на перспективы трудоустройства. В некоторых странах решения о продвижении по карьерной лестнице и зарплате соотносятся с количеством статей в авторитетных журналах и конференциях высокого уровня» [Там же]. В этой же

работе содержится и следующая информация: «13 июня 2019 года перед началом конференции SCA 2019 в Финиксе 30-летний кандидат наук Хуэйсян Чэнь повесился в кампусе Флоридского университета. Как он написал в предсмертной записке, его научная работа с катастрофическими ошибками в описании структуры нейросетей 3D CNN была принята только благодаря связям профессора Тао Ли — тот знал четырех из шести рецензентов. Последующее расследование совместного комитета ACM-IEEE подтвердило факт некачественных рецензий» [Там же].

После таких сообщений уже сложно воспринимать слоган “Publish or Perish” просто как невинную иронию, безобидный черный юмор и тому подобное. Почему эта фраза стала вирусной? Почему она вызывает интенсивные эмоции у большинства представителей академических кругов: у кого-то нервный смех, у кого-то раздражение и яростное отрицание, у кого-то обреченность приговоренного, у кого-то желание побыстрее о ней забыть как о чем-то постыдном, а кто-то с торжествующим видом и удовлетворением мазохиста произносит ее как приговор современности и представляет дело так, что он всё давно предвидел («Я же вас предупреждал!») и т.д. Но почему данная фраза мало кого оставляет равнодушным? За ней должна быть скрыта некая глубинная душевная тенденция, придающая ей зачаровывающий и возбуждающий характер, поэтому в отношении ее анализа как никогда актуален совет Б. Спинозы: «Не смеяться, не плакать, не проклинать, а понимать». Когда мы автоматически повторяем обсуждаемую фразу без попытки глубокого понимания, на основе которого можно было бы ее оспорить, что-либо ей противопоставить, то мы неявно расписываемся в том, что положение дел именно таково, как в ней говорится, и мы не в силах ничего с этим поделать. Так вести себя, по нашему мнению, совершенно неправильно. Пора спокойно заявить, что помирить (уйти со сцены, не попытавшись что-то изменить) нам равновато, у нас еще есть дела. Например, передать ученикам рецепт долгой полноценной научной жизни, наполненной подлинным творчеством и при этом лишенной искусственной нервотрепки по поводу каких-либо рейтингов.

На наш взгляд, искомая душевная тенденция, придающая столь навязчивый и магнетический характер лозунгу “Publish or Perish”, красочно описана в главе «Обожествление техники и некрофилия» фундаментальной работы Э. Фромма «Анатомия человеческой деструктивности». В начале главы приводится цитата известного историка и философа техники Льюиса Мамфорда, который одним из первых связал деструктивность и преклонение перед машинной мощью и проследил истоки этого феномена до древнейших цивилизаций: «По сути дела, инструменты механизации уже 5000 лет тому назад были отделены от тех

человеческих функций и целей, которые не способствовали постоянному *росту власти, порядка и прежде всего контроля*. Рука об руку с этой протонаучной идеологией шло соответствующее *регламентирование и деградация некогда автономной человеческой деятельности*: здесь впервые возникает «массовая культура» и «массовый контроль». Есть полный сарказма символизм в том, что величайшим созданием мегамашин в Египте были колоссальные могильники, заселенные мумифицированными трупами» [Цит. по: 2. С. 294. Выделено мной. — Н. Г.]. Далее Фромм описывает распространенные признаки современного индустриального человека, которого не столько интересуют другие люди, природа, живое, сколько механические артефакты. Например, нежная привязанность автолюбителя к своей машине, бывающая иногда сильнее, чем его чувства к жене и детям. Или повальное увлечение фотографированием, ставшим неким эрзацем зрительного восприятия и представляющим из себя попытку расчлнить окружающий мир на кадры и превратить его в вещи — фотографии, которые можно будет затем предьявить знакомым в качестве доказательства того, что «я там был». Или поведение «меломанов», прослушивающих музыку единственно ради того, чтобы «поиграть» со своей звуковой системой — проигрывателем, стереоусилителем и т.д. К этой же серии относятся любители техники как таковой — аппаратоманы («гаджетоманы» в современной терминологии), — стремящиеся использовать технику везде, где только можно, и в основном без всякой непосредственной практической надобности.

При этом Фромм отмечает, что он вовсе не считает увлечение техническими средствами обязательно проявлением некрофильской тенденции, а говорит об особом случае: «Но бывает, что страсть к техническим приспособлениям заменяет (вытесняет) подлинный интерес к жизни и избавляет человека от применения всего того обширного набора способностей и функций, которыми он наделен от рождения... Я отношу этот синдром скорее к тем людям, у которых интерес к артефактам *вытеснил* интерес ко всему живому, и потому они механически с педантизмом автомата занимаются своим техническим делом» [Там же. С. 295]. Инженер, проектирующий различные устройства, может оставаться крайне творческим человеком, почитающим жизнь и воплощающим свою любовь к природе и другим людям в своих конструктивных технических решениях. Здесь речь идет не просто об увлечении техникой, а о подавлении жизни посредством подчинения ее машинам.

Ярким примером является судьба основателя итальянского футуризма Ф. Маринетти, симпатизировавшего всю жизнь фашизму. Обладая чутьем художника, он уловил и выразил эту мощную тенденцию обожествления техники и скоростей. Во «Втором футуристском манифесте» (1910)

он представил новую «религию скоростей». В целях наглядности сейчас невозможно не процитировать это безумие: «После разрушения устаревших категорий — добра и зла — мы создадим новые ценности: новое благо — быстрота и новое зло — медлительность. Быстрота — это синтез всего смелого в действии. Такой синтез воинственен и наступательно-активен. Медлительность — это анализ застойной осторожности. Она пассивна и пацифична... Если молитва есть общение с Богом, то большие скорости служат молитве. Святость колес и шин. Надо встать на колени на рельсах и молиться, чтобы Бог нам послал свою быстроту. Заслуживает преклонения гигантская скорость вращения гиростатического компаса: 20 000 оборотов в минуту — самая большая механическая скорость, какую только узнал человек. Шуршание скоростного автомобиля — не что иное, как высочайшее чувство единения с Богом. Спортсмены — первые адепты этой религии. Будущее разрушение домов и городов будет происходить ради создания огромных территорий для автомобилей и самолетов» [Цит. по: 2. С. 297].

Кто-то счел Маринетти революционером, решительно порвавшим с прошлым, воспевшим ницшеанского сверхчеловека, ставшим вместе с Пикассо и Аполлинером выразителем современного искусства. По мнению же Фромма, «революционные идеи» Маринетти обеспечили ему достойное местечко рядом с Муссолини и Гитлером [Там же]. Однако следует признать, что Маринетти на самом деле обладал способностью тонко чувствовать формирующиеся тенденции. Пройдя совсем небольшой путь в Москве, скажем, от дома до ближайшего магазина, натыкаясь каждые пару метров на припаркованные кое-как машины, наблюдая, как другие машины толкаются на въездах и выездах из дворов, разве нельзя не констатировать, что город действительно в каком-то смысле разрушен ради автомобилей и стал их единовластным царством?

Так же прозорливо Маринетти высказался про спортсменов как адептов новой религии скоростей. Сфера спорта, к сожалению, оказалась одной из самых подверженных заражению пагубным пристрастием к постоянному наращиванию результатов любой ценой. Сколько людей угробили свои жизни и здоровье употреблением допинга, анаболических стероидов и прочего?! Причем это касается не только профессиональных спортсменов мирового уровня, участвующих в статусных соревнованиях и часто вынужденных использовать опасные препараты, но также обычных любителей, которые одержимы страстью к быстрому и заметному результату. Сама идея спорта оказалась скомпрометирована этими явлениями.

А существует ли подобная тенденция обожествления скорости и наращивания численно детектируемых результатов любой ценой в академической сфере? Как уже стало

понятно благодаря всему вышесказанному, она как раз и выражается фразой “Publish or Perish”. В статье «Быстрый путь к “медленной” науке» приводятся слова Уты Фрит, специалиста по когнитивным наукам из Университетского колледжа Лондона: «Я отчетливо помню, как впервые посмотрела фильм Чарли Чаплина “Новые времена”. По сюжету рабочие были вынуждены работать словно машины: всё быстрее и быстрее до абсурда. Тогда я даже и не представляла, что в академической науке я окажусь в удивительно похожей ситуации. За последние 50 лет я подвергалась постепенно растущему давлению с целью ускориться и затрачивать всё больше средств для этого» [11]. Ладно, факты принуждения современного человека к ускоренному темпу выдачи результатов во всех сферах его деятельности, так же как к ускоренному темпу потребления всего и вся, налицо, но, может быть, жизни и здоровье людей приносятся в жертву Молоху технического прогресса? Фромм примерно об этом и пишет: «Мир превращается в совокупность артефактов: человек весь (от искусственного питания до трансплантируемых органов) становится частью гигантского механизма, который находится вроде бы в его подчинении, но которому он в то же время сам подчинен. У человека нет других планов и иной жизненной цели, кроме тех, которые диктуются логикой технического прогресса» [2. С. 301].

Однако, по всей видимости, публикационная гонка под слоганом “Publish or Perish” не привела к какому-либо заметному научному прогрессу, если под последним понимать прорывные инновации, нарушающие способы мышления и действия, существовавшие до них. Сошлемся на результаты исследования Р. Фанка и М. Парка из Университета Миннесоты, опубликованные ими в журнале «Nature»: «За последние 60 лет отмечается снижение более чем на 90% инноваций в социальных науках и физике; снижение на 80% числа регистраций новых технологий и на 91,5% – новых лекарств в медицине» [12]. Этот удручающий результат сами авторы исследования прокомментировали так: «Мы знаем, что инновации возникают, когда мы пробуем что-то новое и берем идеи из разных областей. Но если у вас есть время только на публикацию, то у вас не остается времени подумать и разобраться в других областях» [Там же]. Даже если поставить под сомнение методологию вышеприведенных авторов, их конкретные числа и их понимание «прорывных инноваций», всё же очевидно, что ничего подобного, скажем, созданию квантовой механики или теории относительности давненько современная наука не преподносила. По большей части, к сожалению, всякие распиаренные научные направления представляют собой «мыльные пузыри» [11]. Таким образом, вред от публикационной гонки очевиден, а польза – весьма сомнительна.

Выводы по первой части статьи

Согласно Э. Фромму, существуют два фундаментальных вида ориентирования человека – биофильное (любовь к жизни) и некрофильное (любовь к мертвому). На первый взгляд, они идентичны фрейдовским инстинкту жизни (Эросу) и инстинкту смерти (Танатосу). Но есть важное различие. Фрейд считал, что оба инстинкта являются врожденными и присущи живой материи как таковой. Объясняя происхождение инстинкта смерти (в литературе он иногда называется Танатосом), он выдвинул такую гипотезу: «Если справедливо, что в незапамятные времена и непредставимым образом из неживой материи однажды появилась жизнь, то, согласно нашему предположению, тогда же должен был возникнуть инстинкт, направленный на то, чтобы ее уничтожить и снова восстановить неорганическое состояние» [Цит. по: 1. С. 38]. Инстинкт смерти может быть направлен вовне – на других или вовнутрь – против себя.

Однако Фромм отмечает, что и сама гипотеза Фрейда звучит довольно произвольно, да и наши наблюдения свидетельствуют о том, что всё живое, как правило, борется изо всех сил за свою жизнь и только в редких случаях уничтожает само себя. Помимо этого, деструктивность разных людей сильно варьируется как в отношении своей интенсивности, так и в отношении направленности: внешняя деструктивность не обязательно сопровождается агрессией вовнутрь и наоборот. Поэтому Фромм полагает, что первичной и основополагающей тенденцией всего живого является стремление удерживаться в жизни. Когда же в случае с человеком какие-либо неблагоприятные обстоятельства его жизни мешают развитию различных потенциальных биофильных качеств его личности, таких как стремление к росту, развитию, творчеству, сотрудничеству и т.д., то начинают формироваться их антиподы – некрофильные черты.

Рафинированный некрофил – душевнобольной; рафинированный биофил – святой. У большинства людей некрофильная и биофильная тенденции смешаны, и речь идет о том, какая из них доминирует. Те, у кого господствующим является некрофильное ориентирование, будут постепенно уничтожать в себе биофильную сторону. Обычно они не осознают своей склонности к мертвому; они ожесточают свое сердце; они ведут себя таким образом, что их любовь к мертвому является логичной и разумной реакцией на то, что они переживают. Напротив, те, у кого любовь к жизни взяла верх, страшатся, когда замечают, как близко они находятся от «долины теней смерти», и эта боязнь может побудить их к новой жизни [1. С. 37].

В свете сказанного становится понятна различная реакция людей на соприкосновение с неблагоприятными условиями существования. Люди с более выраженным некрофильным ориентированием будут легче склоняться

к деструктивному поведению. В случае с повальной пропагандой некрофилии сейчас на Украине только сильно выраженные биофилы могут устоять против этого культа смерти, сохранить человеколюбие и разум.

В академической сфере некрофильная тенденция «Публикуйся или умри» также будет вызывать различную реакцию. У людей агрессивных, уставших, разочарованных, подавленных, испуганных она может усиливать некрофильные мотивы их души, что найдет проявление в их деструктивном поведении вовне — например, мошенничестве, самоутверждении за счет других, в преследовании и унижении коллег, не соответствующих каким-либо показателям, и т.д.; или вовнутрь — например, суициде, самоубийствам, депрессии, бегству из профессии и т.д. Кстати, последнее из перечисленного — бегство из профессии — чрезвычайно слабое решение проблемы. Какая бы ни была ситуация в сфере образования и науки, наш долг перед самими собой — это остаться верными своему призванию и любимому занятию, а долг перед обществом — делать то, чему нас долго учили и что мы умеем делать лучше всего. Поэтому надо постараться сделать всё, на что мы способны, а не просто капитулировать перед жупелом «Публикуйся или умри».

Читатель может спросить, против чего же автор выступает в первую очередь — против фразы или против могучей социально-психической тенденции, которая лежит в ее основе. И против того, и против другого! Лозунг может быть побежден только другим лозунгом. А тенденцию можно преодолеть путем ее внимательного анализа и формирования контртенденции. Для чего нужно воевать с лозунгом? Потому что он имеет символическое значение и несет в себе мощный эмоциональный заряд. И некрофильные, и биофильные манифестации очень заразительны. Вспомним из истории нашей страны, как талантливые, но некрофильные строки Есенина «В этой жизни умирать не ново, // Но и жить, конечно, не новей» спровоцировали череду самоубийств, особенно в среде молодежи, и как эпидемия самоубийств была частично остановлена контрлозунгом Маяковского: «В этой жизни помереть не трудно. // Сделать жизнь значительно трудней». Автор данной статьи, к сожалению, не поэт, и всё, что он был в состоянии противопоставить жупелу «Публикуйся или умри», сформулировано следующим образом: «Публикуйся, чтобы полноценно жить». Как конкретно понимать этот императив, будет рассказано в третьей части статьи.

Что же касается тенденции, вербальным воплощением которой стала фраза «Публикуйся или умри», то можно сформировать такое резюме. Человек обладает двумя фундаментальными потенциальностями, представленными двумя совокупностями задатков, включающих задатки

к эгоистическому, альтруистическому, агрессивному вовне и вовнутрь поведению и т.д. Совокупность реализованных задатков, которые служат сохранению жизни как таковой, Фромм назвал «биофильным ориентированием» и полагал, что оно первично, так как природой заложено сохранение жизни. Но человек — это существо, стоящее дальше всех других существ от природы, живущее в условиях противоречивой, созданной им кое-как впопыхах «второй природы»; существо, способное к самодетерминации; в его случае существование предшествует сущности. Поэтому при столкновении с неблагоприятными условиями жизни в душе человека в какой-то мере развиваются и негативные задатки, в совокупности составляющие его некрофильную сторону. В течение жизни, в зависимости от внешних условий и собственных усилий по самосозиданию, эти два вида ориентирования могут изменяться по степени своей выраженности, вплоть до полного доминирования одного из них. Будучи действующим психоаналитиком, Фромм талантливо описал проявления случаев доминирования в индивидуальной и групповой ментальности некрофильного ориентирования. Эти черты во всех случаях носят весьма схожий характер.

Помимо негативных условий социализации, войн, революций и прочего, в формирование некрофильного ориентирования вносят вклад регулярно возникающие в обществе экзистенциальные кризисы, провоцируемые нарушением закона техно-гуманитарного баланса, когда происходит рассогласование технического и гуманитарного интеллекта [6; 7; 8]. Развитие технологий, не сопровождаемое сдерживающим развитием гуманитарного интеллекта, порождает ситуацию, описанную Фроммом:

Короче говоря: интеллектуализация, квантификация, абстрагирование, бюрократизация и овеществление — отличительные черты нынешнего индустриального общества — не есть принципы жизни; они являются механическими принципами, если их применяют к людям, вместо того чтобы применять их к вещам. Люди, живущие в такой системе, становятся равнодушными к жизни и чувствуют влечение к мертвому. Правда, сами они этого не замечают. Они принимают возбуждающие соблазны за радость жизни и пребывают в иллюзии, что ведут очень живую жизнь, если обладают и могут пользоваться множеством вещей [1. С. 41].

Частным случаем этого овеществления людей и порочной квантификации служит академическая тенденция, выражаемая фразой «Публикуйся или умри». Поняв природу этой тенденции, ее психологические основания, можно выработать способы личной психологической защиты, а также способы воспитания новых поколений научно-педагогических работников, имеющих иммунитет против этой тенденции.

II. Роль публикаций в жизни интеллектуалов

Теперь перейдем к изучению роли публикаций в жизни интеллектуалов. В прошлых работах [13; 14] мы представили собственную концепцию интеллектуальной деятельности, в рамках которой интеллектуалы трактуются как люди, участвующие в систематическом производстве рационального знания. Рациональное знание эксплицируется на основе разрабатываемого нами процедурного подхода; оно является результатом достаточно длительного циклического самокорректирующегося когнитивно-коммуникативного процесса, включающего в себя пять основных этапов:

1) напряженный поиск участниками дискуссии наилучших аргументов в пользу тех или иных утверждений, которые они признают правильными и *свободно* вводят в дискуссию; эта работа проводится каждым актором на основе всего его совокупного опыта и всей имеющейся в его распоряжении информации;

2) вступление в аргументативную игру с другими индивидами, имеющими свои аргументы по поводу этих утверждений; под действием взаимной критики участники дискуссии могут модифицировать свои утверждения и аргументы и брать тайм-ауты с целью поиска дополнительных свидетельств;

3) оценка и сравнение силы всех выдвинутых положений (оценка аргументов, оценка степени подтверждения утверждений аргументами, оценка утверждений в свете релевантных аргументов) в ходе коллективного открытого обсуждения, к которому допускаются все компетентные и заинтересованные в данной области субъекты;

4) принятие коллективного решения по поводу того, какие из обсуждаемых утверждений и в каких формулировках будут приняты, а какие — отклонены; такое принятие означает признание социальной значимости знания, консенсус по поводу принимаемых положений — критерий их социальной значимости;

5) органичное включение принятых утверждений в личный фонд знания с возможной корректировкой как новых, так и принятых ранее компонентов знания, чтобы новые утверждения вписались когерентным образом в имеющуюся систему знания (иногда принятие новых утверждений вызывает коренную перестройку последней).

Очерченная выше процедура, с одной стороны, является трансцендентально-прагматической реконструкцией идеального типа дискуссии, участники которой *искренне* нацелены на достижение истины и нормативной правильности — двух дискурсивно разрешимых притязаний на значимость. С другой стороны, в силу своей глубокой укорененности в коммуникативном действии как таковом, она является аттрактором, к которому так или иначе стремятся

реальные эмпирические системы взаимодействия между компетентными субъектами, заинтересованными в достижении действенных утверждений. «Те социальные системы, взаимодействия в которых втягиваются в воронку данного аттрактора, стремятся соответствовать данному шаблону и начинают воспроизводить этот паттерн в течение достаточно продолжительного времени — являются интеллектуальными системами, а составляющие их субъекты могут быть названы интеллектуалами» [14. С. 23].

Также анализ производства рационального знания на различных уровнях субъектности и в самых разных сферах общественной жизни показывает, что описанная процедура с теми или иными модификациями, но в общих чертах воспроизводится во всех случаях. Это позволило нам выдвинуть положение о фрактальной природе процесса получения рационального знания. Этот тезис кратко можно проиллюстрировать следующими примерами. Базовый уровень, на котором данная процедура предстает в самом чистом архетипическом виде — это ситуация реальных дискуссий, в которые вступают члены одного и того же интеллектуального сообщества во время своих регулярных встреч «лицом к лицу». По всей видимости, именно в ходе таких личных контактов людей, стремящихся коллективным способом прийти к наилучшим образом обоснованным утверждениям, фундированным всем доступным им в данное время общечеловеческим опытом, и родились некогда в истории человечества первые образцы рационального знания.

Далее каждый участник таких встреч, получивший опыт производства рационального знания (а это уже и есть интеллектуал), даже когда остается наедине с собой, продолжает воспроизводить данную процедуру в своем мышлении в виде «внутренних дискуссий». Производство рационального знания уходит на индивидуальный уровень рефлексии. Так, приступая к разрешению какой-либо проблемы, интеллектуал, опираясь на все свои знания, мучительно подбирает все возможные аргументы в пользу тех или иных способов разрешения проблемы и начинает их взвешивать. Это служит неким аналогом коллективных дискуссий. Найдя предварительное решение проблемы (аналог предварительного группового консенсуса), он продолжает размышлять и изучать релевантные материалы по этой теме и по мере ознакомления с новыми аргументами вносит коррективы и переосмысливает свою изначальную позицию (аналог вступления в дискуссию новых участников или нахождения новых аргументов старыми участниками). Когда наконец интеллектуал в целом удовлетворен своим решением проблемы, то он готов к тому, чтобы представить его в окончательной форме (аналог итогового группового консенсуса). Затем он представляет свой вариант решения проблемы другим интеллектуалам в каком-либо виде —

лекции, доклада, статьи и др. способом — и этим возвращает разрабатываемое знание на социальный уровень рефлексии. Аналогом этому в случае группового производства знания служит представление группой своей позиции на встречах с другими группами интеллектуалов — переход на более высокий уровень социальности, от внутригрупповых дискуссий к межгрупповым, где роль участников дискуссии уже играют не отдельные индивиды, а целые группы, а решения принимаются на более высоком уровне интеграции общества.

Пожалуй, на данный момент времени самым универсальным способом представления интеллектуальных результатов является их публикация в виде статей в научных журналах. Проследим, как в этом случае реализуется на разных уровнях субъектности типовая процедура производства рационального знания.

Размышляя над некоторой проблемой, автор статьи в течение всего времени оформляет свое решение в виде конкретного обозримого текста, к которому у него всегда есть доступ и возможность вносить изменения. Он может проводить сколько угодно «внутренних дискуссий» в своем мышлении, сколько угодно изучать новые материалы по этой теме, отдыхать, когда ему угодно, советоваться с кем угодно, вновь возвращаться к правке текста — никаких принципиальных ограничений нет. Когда он решит, что удовлетворен своей концепцией и уже не видит никаких возможностей что-то в ней улучшить, то он подает свой текст в какой-нибудь журнал. Так концепция попадает на первичный социальный уровень интеллектуальной обработки. Редактора, рецензенты и секретари журналов являются, как правило, опытными интеллектуалами, и каждый из тех, кому попадет на рассмотрение эта статья, вначале запустит в своем мышлении индивидуальный процесс «внутренней дискуссии», пропуская рецензируемую концепцию через всю известную ему систему аргументов, в результате чего вынесет относительно нее какое-то свое решение. Затем состоится коллективная дискуссия во время заседания редакционной коллегии журнала, когда все задействованные в оценке данной концепции интеллектуалы представят свои аргументы по поводу рецензируемой работы. На основе взвешивания этих аргументов будет принято коллективное решение редколлегии по поводу статьи: вернуть с замечаниями автору на доработку, внести какие-то редакционные правки, принять к публикации без изменений, отклонить статью. Если в конечном итоге статья будет принята и опубликована, то в своем улучшенном финальном виде она перейдет на еще более высокий уровень социальной экспертизы — станет достоянием аудитории данного журнала. Читатели журнала, заинтересовавшиеся идеями статьи, инкорпорируют их в свои системы аргу-

ментов, начнут использовать их в своем мышлении для «внутренних дискуссий», а затем будут цитировать эти идеи, с чем-то соглашаясь, а что-то критикуя в массе других журналов, в своих публичных выступлениях и т.д., — это будет еще более высокий уровень интеллектуальной обработки данной концепции. Если статья будет переведена на другие языки или ее идеи будут процитированы в зарубежных журналах, то потенциально концепция может приобрести мировую значимость.

Вернемся к автору статьи. Познакомившись с критическими замечаниями в адрес своей статьи в других публикациях и сочтя их справедливыми, он может вновь инициировать процесс «внутренней дискуссии» в своем мышлении, чтобы затем когда-то в новых статьях представить улучшенный вариант своей концепции или опровергнуть критиков, если найдет их замечания несправедливыми и т.д. Как видим, процесс производства рационального знания имеет фрактальную природу и одновременно разворачивается на индивидуальном уровне в мышлении множества самых различных интеллектуалов, а также на постепенно расширяющихся социальных уровнях, но везде в общих чертах подчиняется описанному нами паттерну. Такова сложная, но величественная сотовая структура производства рационального знания в обществе. Публикационная активность, таким образом, является органической составляющей интеллектуальной деятельности, эффективно распространяющей в социуме процесс производства рационального знания.

Мы эскизно показали роль публикаций в жизни интеллектуалов с позиций нашей процедурной концепции рациональности, в которой интеллектуальная деятельность рассматривается с точки зрения своего конечного результата — получения нового рационального знания. Наш подход в каком-то смысле является целостным и телеологическим. Но есть альтернативный способ рассмотрения интеллектуальной деятельности — с точки зрения ее элементарных составляющих, так сказать, ее «атомов» — это подход большого знатока интеллектуальной истории Р. Коллинза. В качестве «атомов» интеллектуальной деятельности он рассматривает интеллектуальные *интерактивные ритуалы* (интеллектуальные ИРы), т.е., специфические процессы взаимодействия между интеллектуалами. Давайте посмотрим, какова роль публикаций в жизни интеллектуалов с позиций «атомистической» концепции Коллинза.

Отличие интеллектуального ИРа от иных его разновидностей, в том числе от повседневных интеракций, заключается в его особой структуре внимания. «Ключевым интеллектуальным событием является лекция или формализованный спор (диспут), т.е. некоторый отрезок времени, в течение которого один человек выступает с речью, пред-

ставляя развернутую аргументацию по определенной теме. Это отличается от ситуаций обмена (“давать и брать”) в дружеских беседах, которые, как правило, не могут достичь сколько-нибудь сложного и абстрактного уровня, потому что фокус внимания смещается слишком часто» [15. С. 74].

Другая характерная черта представлена особым отношением между выступающим и аудиторией: «Интеллектуальный ИР состоит не в том, чтобы отдавать приказы или сообщать практическую информацию, но в развертывании мировоззрения, в претензии на понимание содержания высказываний как на самостоятельную цель» [Там же]. Специфичным для интеллектуального ИРа является то, что его участники никогда не бывают полностью пассивными: они задают вопросы, спорят, комментируют, находятся в интеллектуальном поиске. «Даже когда интеллектуалы сидят молча, составляя аудиторию лекции или доклада, они осознают свою роль в качестве участников этого длящегося сообщества. Их собственные идеи были образованы цепочкой из прошлого; ситуация, в которой они находятся, — просто еще одно звено в этой цепи. Интеллектуалы будут продолжать инкорпорировать эти идеи в собственные будущие творения и дискурсы, по меньшей мере они просеивают идеи, чтобы понять, пригоден ли данный материал для их целей» [Там же. С. 76].

Коллинз утверждает, что «интеллектуальная жизнь вращается вокруг ситуаций “лицом к лицу”, поскольку только на этом уровне могут происходить ИРы. Интеллектуальные сакральные объекты могут быть созданы и сохранены, только если есть церемониальные собрания для поклонения им. Это то, что делают лекции, конференции, дискуссии и диспуты: они собирают интеллектуальное сообщество, фокусируют его внимание на общем, исключительно им принадлежащем объекте и усиливают определенные эмоции вокруг этих объектов» [Там же. С. 73]. Поэтому классическая очная лекция никогда не устареет в качестве формы обучения.

Пока говорилось только про личные («face-to-face») встречи интеллектуалов. Но далее Коллинз показывает, как интеллектуальные ИРы органически связаны с публикационной активностью. «Ключевой интеллектуальный ритуал, лекция или доклад, представляет собой то, что было подготовлено в результате чтения соответствующего объема текстов; а содержание сказанного обычно уже на пути к публикации (если это еще не сделано). ... Лекции и тексты сцеплены воедино — вот что составляет отличительную особенность интеллектуального сообщества и что выводит его за рамки любого другого вида социальной деятельности» [Там же. С. 75]. Теперь понятно, почему интеллектуальные сообщества интенсивнее всего развивались там, где были созданы общедоступные системы письма.

Интеллектуалы как сообщество, уникальным образом ориентированное на создание текстов, — люди, живущие ради производства и передачи текстов, — могли появиться только вместе со структурой, распределяющей тексты... Интеллектуальные события настоящего времени — лекции, диспуты, обсуждения — происходят словно на сцене с явно видимым задником, составленным из прошлых текстов, вне зависимости от того, основываются ли участники на этих текстах или критикуют их. Интеллектуалы особенно остро осознают наличие своих предшественников, причем их собственная продукция адресована невидимым аудиториям. Даже когда они читают лекции реально присутствующей группе, возможно, собственных студентов, учеников или коллег, их послание неявно представляет собой звено непрерывной цепи и в дальнейшем его будут повторять, обсуждать или дополнять [Там же].

Позволим себе еще одну цитату Коллинза, в которой, на наш взгляд, весьма точно передаются некоторые психологические моменты интеллектуального творчества:

Интеллектуалы главным образом ориентированы на письменное слово. Особенно в современном мире они проявляют свое творчество в одиночестве и на бумаге, а в какой-то момент могут изложить его устно. И даже если самые ранние моменты творчества могут быть иногда выражены вслух или мысленно, интеллектуалы тем не менее испытывают потребность изложить свои идеи на бумаге, но не просто на бумаге, а еще и отдать «в печать». Неважно, будет кто-либо читать их или нет, но сама публикация работы является большой символической наградой; это выводит авторов из царства частного в царство публичного (интеллектуальной публики, т.е. той, которая единственно и принимается в расчет). Интеллектуалы склонны чувствовать, что какая-то идея не вошла полностью в их реальность, пока ее нет в системе ссылающихся друг на друга книг и журналов, системе, которая конституирует продукты деятельности интеллектуального сообщества [Там же. С. 73].

Полагаем, достаточно цитат, чтобы продемонстрировать, что роль публикаций в жизни интеллектуалов с точки зрения теории интеллектуальных ИРов также оценивается чрезвычайно высоко. Но все приведенные выше соображения, конечно же, не служат поводом для фетишизации публикационной активности. Помимо публикаций есть и иные важные способы участия в интеллектуальной жизни. Если вдруг у читателя возникло впечатление, что от последней цитаты Коллинза осталось рукой подать до лозунга «Публикуйся или умри», то в защиту классика укажем на то, что сам Коллинз свое главное произведение спокойно писал более 25 лет, никуда не торопился, кропотливо собирал материалы и получал удовольствие от работы. И уж тем более не собирался помирить из-за того, что какие-то высокорейтинговые журналы не публикуют в данное время его концепцию. К тому же Коллинз вполне недвусмысленно резюмирует: «Без ритуалов “лицом к лицу” написание текстов и сами идеи никогда бы не были заряжены эмоциональной

энергией; тексты и идеи были бы дюркгеймианскими эмблемами мертвой религии, приверженцы которой никогда не приходят на церемонии» [Там же. С. 75]. Публикационная активность является органической составляющей интеллектуальной жизни, ее нужно всячески поощрять, но нельзя ни в коем случае фетишизировать, усиливая некрофильские тенденции в академической среде и обществе в целом.

III. Публикуйся, чтобы полноценно жить

Принимая во внимание всё сказанное в предыдущей части статьи, становится понятным, почему отстаиваемый нами императив начинается уверенным «Публикуйся!». Работая над созданием статей, автор вовлекается в непрерывное захватывающее интеллектуальное предприятие, на различных этапах которого он получает самые разнообразные неповторимые эмоции. Так, на этапе написания статьи автор находится в интеллектуальном поиске, решает поставленную перед собой задачу, мучительно взвешивает разные аргументы и постоянно корректирует свой текст. Этот процесс действительно мучителен, но если бы не было этой мучительной напряженности, заставляющей забыть о повседневных мелочных заботах и выводящей автора из мира обыденности в то самое особое царство возвышенного, о котором писал Коллинз, то и не было бы того мощного разряда удовлетворения, которое создатель получает в итоге, наконец оформив свою концепцию в виде завершённой статьи. При этом он получает как интеллектуальное удовлетворение от решения поставленной задачи, так и эстетическое удовлетворение от придания своей словесной конструкции долго и томительно искомой формы. Не только поэты испытывают «муки слова», когда, по выражению Маяковского, «Изводишь единого слова ради // Тысячи тонн словесной руды». От любого словесного творчества эстетические чувства неотделимы.

Итак, на первом этапе автор получает глубокое удовлетворение от своей работы, ни с чем не сравнимые радость и восторг творца. Опытный исследователь прекрасно понимает, действительно ли у него получилась хорошая статья или только лишь проходная, посредственная. Свое внутреннее чувство не обманешь. Подлинную радость доставляют лишь те произведения, относительно которых у тебя есть внутренняя убежденность в том, что ты сделал что-то значительное. И когда она есть, то первой наградой для автора служит сам текст. Смеем предположить, что композитор, находясь в одиночестве в момент завершения написания своего произведения, испытывает подобное удовлетворение, которое по интенсивности вполне сопоставимо, но обладает несколько иным характером, чем чувство, возникающее при виде рукоплещущего ему огромного концертного зала.

Но человек – существо по своей природе глубоко социальное, и ему необходимо признание, сочувствие, сопереживание, взаимное обсуждение того, что до этого было осмыслено и пережито в одиночку. Поэтому в первую очередь, как правило, он делится своим творением с теми, кто ему близок и дорог, чье мнение как специалистов для него особенно важно: с друзьями, коллегами, соавторами. Такие люди из ближайшего окружения не обманут и изо всех сил постараются вникнуть в суть написанного, дать ему объективную оценку, если надо – сделать толковые замечания, чтобы улучшить текст. Во время этого этапа укрепляется чувство солидарности между автором и его близкими – они узнают автора с неких новых для них сторон, он немного, но по-новому раскрывает перед ними свой потенциал, они получают дополнительный повод им гордиться, а он – повод гордиться ими.

Второй этап заканчивается одобрением и поддержкой со стороны микроокружения автора, например, вынесением кафедрой рекомендации статьи к публикации.

На третьем этапе статья поступает в редакцию какого-либо журнала. Если это честный авторитетный журнал и принимает статью не за деньги и не «по благу», а оценив ее по достоинству, то автор испытывает уже новую гамму эмоций, связанных со следующим уровнем признания. Он с благодарностью примет квалифицированные замечания опытных рецензентов, с удовольствием исправит свой текст и будет с нетерпением ждать выхода журнала, чтобы с его идеями могли познакомиться широкие массы интеллектуалов. Коллинз в общих чертах правильно описал значение публикации для интеллектуала. Действительно, известие о принятии статьи к публикации служит мощнейшим мотивирующим фактором и позволяет автору утвердиться в своих собственных глазах и в глазах окружающих.

Однако, на наш взгляд, не следует преувеличивать сказанное в этой фразе Коллинза: «Интеллектуалы склонны чувствовать, что какая-то идея не вошла полностью в их реальность, пока ее нет в системе ссылающихся друг на друга книг и журналов...» [15. С. 73]. А разве идеи автора и их трансформации на первых двух описанных нами этапах творчества не входят полностью в реальность автора и его близких? Восторг творца и одобрение ближайшего окружения (если таковое было) разве менее реальны для автора, чем публикация его идей и их цитирование? Вспомним историю А. Шопенгауэра. Этот гениальный пессимист и мизантроп, несомненно, испытывал бурный восторг творца при написании своего главного труда «Мир как воля и представление». Поэтому, отправляя его издателю, он написал в сопроводительном письме: «В будущем эта книга станет источником вдохновения для сотен других книг». Спустя 16 лет издатель счел своим долгом сообщить

Шопенгауэру, что почти весь небольшой тираж первого издания был отправлен в макулатуру. Реакция философа на такое равнодушие к его произведению со стороны современников была такова: «Обрадуют ли музыканта аплодисменты, если он знает, что его публика состоит из глухих?».

Если бы ссылки и цитирования были бы основной незаменимой наградой и мотивацией для интеллектуалов, то тогда и сам Шопенгауэр, и его последователь Ницше, да и многие другие забросили бы писанину и свои занятия. Восторг творца и, возможно, поддержка немногочисленных друзей – вот что заставляло вышеперечисленных творцов верить в себя и продолжать работать! Понимая всю важность и нужность публикаций, автору следует всегда быть готовым к тому, что его статья может быть «отфутболена» сразу несколькими нечестными журналами по совершенно надуманным поводам. Причин такого поведения журналов, видимо, много, но среди двух главных предположим следующие: все ближайшие номера уже заняты под своих «блатных» авторов и тех, за кого они просили; либо недобросовестные рецензенты просто из чувства зависти не пропускают талантливую новаторскую работу, чтобы на ее фоне не проявлялась посредственность их собственных статей и статей «блатных». В таком случае автору не нужно отчаиваться, а стоит вооружиться сарказмом Шопенгауэра и его же терпением, продолжать посылать свой материал в другие журналы и дальше развивать свои идеи. Третий этап творчества приносит огромное удовлетворение автору, но это не единственный источник счастья интеллектуала, как мы уже показали выше.

Если статья попала в честный журнал, была заслуженно рекомендована ответственными рецензентами, и автор, и редакция журнала получили подлинное удовлетворение от продуктивного сотрудничества и совместными усилиями подготовили и представили статью интеллектуальной обществу, то идеи автора обретают совершенно новую и в каком-то смысле автономную жизнь. Они распространяются и начинают циркулировать в различных ячейках описанной нами выше сетевой структуры производства рационального знания в обществе (в том числе продолжают жить и развиваться в голове автора, творчество которого теперь начинает стимулироваться еще и цитатами других далеко находящихся от него интеллектуалов). Таков четвертый этап творчества пишущего интеллектуала, и он представляет собой вовсе не конец творчества, а только начало «большой» жизни идей автора.

Мы описали роль публикаций в интеллектуальной жизни с точки зрения нашей процедурной концепции рациональности. Но что происходит с данной схемой, когда в дело вступает тенденция «Публикуйся или умри»? Как и любое извращение, она перечеркивает исходную цель и смысл самой деятельности, напрочь разрушая

аутентичность, подлинность всего происходящего на всех уровнях; пропадают искренние чувства, такие как радость творчества, солидарность, взаимная гордость, стремление к совместному поиску истины и т.д. А что приходит им на замену? Страх, лицемерие, подавленность, загнанность, зависть, предвзятость, агрессия, подленькая радость мошенника, объегорившего окружающих, иллюзорное счастье некрофила, встроившегося винтиком в машину разрушения творческих проявлений жизни и т.д. Попробуем предложить ряд рекомендаций, как можно противодействовать тренду «Публикуйся или умри» на различных уровнях.

Как уже было отмечено, наш императив начинается уверенным «Публикуйся!» (стремись к публикациям и приложи к этому весь свой талант). Но как публикуйся? «Чтобы полноценно жить». Раскроем, какой смысл мы вкладываем во вторую часть императива.

Во-первых, автор должен получать удовольствие от своей работы и заниматься тем, что ему на самом деле интересно. Погоня за популярными здесь и сейчас темами, пользующимися спросом среди рейтинговых журналов, «приводит к ограниченности и гомогенизации исследований, что заметно сужает разнообразие идей и точек зрения в определенной научной области» [12].

Во-вторых, автор должен работать спокойно, без спешки и стресса, до тех пор, пока не будет уверен, что его концепция получила законченный вид. Над ним не должны нависать никакие «дамокловы мечи», и его жизнь и творчество не должны омрачаться никакими «дедлайнами» – очень модное сейчас слово, которое представляет собой кальку с английского «deadline» («мертвая линия»). Никаких мертвых линий! С нас уже хватит некрофилии в первой части статьи! Не нужно торопиться с публикацией результатов своих исследований, пока у тебя остается сомнение в том, что ты сделал всё, что мог. Вот что по поводу спешки в науке пишет Ута Фрит: «Необходимо рассказывать студентам об истории науки: ее благородных целях, о том, как она идет вперед сквозь успехи и неудачи, за счет сотрудничества и конкуренции. Кроме того, ученые должны не просто брать тайм-ауты, чтобы подумать, но и специально их планировать. Я сожалею, что сама не делала этого чаще. Просматривая свое резюме, я вижу в нем статьи, о публикации которых я жалею в силу недостаточной оригинальности или методологической выверенности. Я думаю, что важно рассказывать об этом молодым ученым, чтобы они знали о том, что со временем они могут испытать те же чувства. Есть множество примеров того, что репутация ученого в долгосрочной перспективе не только строится на его лучших публикациях, но и подрывается более слабыми» [11].

В-третьих, автор не должен делать ничего, что отягощало бы его совесть (участие в каких-либо из перечисленных

выше видах академического мошенничества) или унижал его достоинство (лицемерие, заискивание перед теми, от кого зависят публикации, различные сделки с ними). Никакие должности, премии, гранты, цитирования, статьи в рейтинговых журналах не стоят того, чтобы ученый терял самоуважение и нарушал нормы научного этикета, ибо, став на этот путь однажды, высока вероятность того, что он там и останется. Мало того, что сам останется, так еще и затянет туда учеников.

Возможно, кто-то из читателей сейчас возразит, что нам просто разглагольствовать о том, как *надо* делать, что *должно быть*, хотя на самом деле проблема в том, что людей заставляют поступать противоположным образом окружающие обстоятельства, их руководство, да и вся сложившаяся система в целом. Отчасти это возражение справедливо, однако... Некоторые люди сами себя загоняют в это «белочье колесо» без всякого особого принуждения извне. Сотрудник Макгиллского университета Дж. Бакман пишет: «Большинство исследователей в той или иной степени являются карьерными исследователями, мотивированными властью и престижем, которые вознаграждают тех, кто преуспевает в академической системе, а не идеалистическим стремлением к научной истине» [10]. Таких людей, конечно, мы уже не перевоспитаем. Но вот разясняя, с одной стороны, подлинную природу научного творчества, а с другой стороны, подлинную природу тенденции «Публикуйся или умри» людям, которые находятся на перепутье, особенно молодым ученым, мы можем добиться того, чтобы они всерьез задумались.

Далее, как показывает наш личный опыт и общение с многочисленными коллегами, как правило, всё-таки на местах руководство прекрасно понимает ситуацию, и, если от руководителей требуют жесткие показатели, они делают всё, чтобы сохранить в штате ценных сотрудников или даже принять новых, изыскивая лазейки — например, проводя их по конкурсу не на пять лет, а пока на год, чтобы дать возможность донабрать необходимые для пятилетнего контракта публикации, или засчитывая им вместо публикаций иные достижения и т.д. В прошлой работе мы отмечали, что интеллектуалы могут разительно отличаться по своим личностным качествам, по формам и периодичности выдачи своего интеллектуального продукта, иметь совершенно различные амплуа в рамках системного целого по производству рационального знания, и при этом «наличие обширного ролевого репертуара делает сообщество интеллектуалов более гибким, эффективным, сложным» [14. С. 24]. Когда всех интеллектуалов пытаются «грести под одну гребенку» и навязывать всем интенсивный темп публикаций, то это «приводит к потере талантливых людей из числа исследователей, что неизбежно ведет к потере много-

образия» [11]. Хорошие руководители, заинтересованные в процветании своей организации, естественно, понимают эти вещи и всегда пойдут на встречу своим проверенным сотрудникам. А вот если у вас не получается работать, реализуя сформулированный нами императив, не помогает разговор с начальством, обращение в профсоюз, то это уже повод задуматься, не пора ли сменить организацию.

Следующий важный вопрос для обсуждения — это рейтинговые журналы и как с ними выстраивать отношения. С зарубежными журналами история более-менее понятная: там и раньше было весьма сложно опубликоваться, приходилось затрачивать чрезвычайно много усилий и времени, преодолевая множество искусственных препятствий [16]. Сейчас же, в новых геополитических условиях, а тем более в случае ценностно нагруженного социально-гуманитарного знания — это стало практически невозможным. Поэтому, пожалуй, вопрос можно снять с повестки с кратким резюме: если у кого-то получится там опубликоваться, то и слава Богу, честь ему и хвала, но требовать такие публикации от сотрудников или прилагать титанические усилия, отставляя в сторону все другие свои занятия, на наш взгляд, не совсем разумно.

Но если с иностранными журналами всё понятно, то обидным образом лично нас удручает ситуация с отечественными «квартильными» журналами, входящими в базы Scopus и WoS. К нашему большому сожалению, найти среди них честные добросовестные журналы довольно сложно. Порочная тенденция «Публикуйся или умри» сыграла с ними злую шутку — превратила их в достаточно закрытые структуры, обслуживающие свои «тусовки» и редко пропускающие чужаков со стороны. Под «тусовкой» понимается в данном случае совокупность лиц, приближенных к организации, на базе которой функционирует журнал, членов редакции, рецензентов, их многочисленных знакомых. Члены «тусовки» обеспечивают свои собственные публикации в этом журнале, а также на неких пропорциональных началах в зависимости от своего места в иерархии «тусовки» могут обеспечивать публикации своим привлекаемым со стороны протеже, за какие-либо ответные услуги от последних. Иногда звенья «тусовок» различных журналов пересекаются и заключают между собой договоренности: «Я обеспечиваю тебе и твоим протеже публикации в моем журнале, а ты обеспечиваешь публикации в моем журнале мне и моим протеже».

Эта круговая порука и публикации «по блату» еще победы. С этим можно скрепя сердце смириться, если такие журналы всё же рассматривают и иногда принимают заслуживающие внимания статьи сторонних, не привлекаемых «по блату» авторов. Гораздо хуже, когда эти журналы замыкаются в себе и с порога отвергают любые сторонние

статьи, не оставляя им никакого шанса. Эта модель поведения журналов, распространяясь, в долгосрочной перспективе не оставляет шансов всей нашей науке.

Заметим, что всё сказанное выше основано на нашем личном опыте и обмене опытом с нашими коллегами. Если уважаемые читатели имеют отличный от нашего опыт, то нам остается только искренне порадоваться за них лично и за их научное направление. Но как объяснить, когда ты подаешь статью в некий журнал, являющийся «ваковским» по определенной научной специальности, и он отвергает твою статью, даже не допустив ее до рецензентов, как «не соответствующую тематике журнала». Затем ты подаешь эту статью во второй журнал, также «ваковский» по этой специальности, и также сопоставимый по квартально Scopus-а с первым, и второй журнал принимает твою статью с двумя положительными рецензиями. Потом ты подаешь уже другую статью в первый журнал, и он опять отвергает ее без рассмотрения, но уже по другому надуманному поводу. Ты подаешь вторую статью в третий журнал, «ваковский» по этой специальности, и третий журнал принимает статью. Что же в таком случае можно сказать про первый журнал? Все-таки опытный автор в состоянии отличить справедливые замечания от формальной «отписки». Если ты активно печатаешься, много общаешься с другими авторами, то у тебя за много лет складывается свой черный список нечестных журналов и белый список честных журналов. В нашем случае, говоря о «квартильных» журналах, черный список значительно длиннее белого.

Каков же может быть выход из сложившейся ситуации? Мы не собираемся здесь приводить свой черный список журналов. Это будет отдавать субъективизмом и мезью. Наша задача – моделировать ситуацию в общем виде. Одно из возможных решений мы видим в следующем. Хорошо было бы, если бы в интернете существовал общий ресурс, на котором могли свободно общаться все авторы, объединяясь в группы по научным направлениям и делясь своим опытом публикаций. Авторы выкладывали бы «отписки» и рецензии на свои статьи, полученные из различных журналов, обсуждали поведение журналов и ставили мотивированные оценки этим журналам. Таким образом формировался бы народный рейтинг журналов. При достаточно большом масштабе этого проекта народный рейтинг

был бы довольно надежной основой для выявления честных и нечестных журналов.

Предположим, что каким-либо образом, хоть коллективным по типу народного рейтинга, хоть любым личным способом, вами выявлены нечестные и честные журналы. Как бы мы рекомендовали вам себя вести по отношению к этим журналам? Ни в коем случае не нужно унижаться и пытаться выйти на представителя «тусовки» нечестного журнала, чтобы пойти с ним на какую-либо сделку, став «блатным». Не нужно способствовать распространению этого зла. Какие бы преимущества ни сулила вам публикация в этом журнале – наоборот, следует всячески игнорировать этот журнал, не ссылаться на него и больше не подавать туда материалы. В конце концов, редакция этого журнала сама себя обворовывает на хорошие статьи. Пусть варятся в собственном соку. Рано или поздно уровень статей там совсем упадет. Надо гордо подавать материалы в честные журналы и работать совместно с ними. Так мы будем работать на всю нашу науку.

Заключение

В заключение можно отметить, что получивший распространение слоган «Публикуйся или умри» несет в себе деструктивный потенциал и нагнетает ощущение безысходности в академических кругах. Как выражение некрофильной установки он снижает качество и продуктивность научной работы, служит одной из причин академического мошенничества, ухудшает психическое здоровье и качество жизни научных работников и преподавателей вузов, тягивает в аморальное поведение студентов и аспирантов. Исключительная роль в преодолении указанной деструктивной тенденции и принятии императива «Публикуйся, чтобы полноценно жить» принадлежит системе высшего образования. Классические лекции и другие формы интерактивного ритуала способны формировать у обучающихся интеллектуальную ментальность, служащую иммунитетом против деструктивного поведения в науке. Эффективная организация научной работы преподавателей, в том числе разумное использование наукометрических показателей и мягкое планирование, позволяют поддерживать творческую атмосферу в вузах, исключая академическое мошенничество.

Литература

1. Фромм Э. Душа человека. М.: Республика, 1992. 430 с.
2. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М.: Республика, 1994. 447 с.
3. Сидорчик А. Последнее табу. Как на Украине превращают русских в «еду» [Электронный ресурс]. URL: <https://aif.ru/politics/world/>

References

1. Fromm, E. (1992). The Soul of Man. Moscow: Respublika, 430 p.
2. Fromm, E. (1994). The anatomy of human destructiveness. Moscow: Respublika, 447 p.
3. Sidorchik, A. The last taboo. How Russians are being turned into "food" in Ukraine [Electronic resource]. URL: <https://aif.ru/politics/>

poslednee_tabu_kak_na_ukraine_prevrashchayut_russkikh_v_edu (дата обращения: 22.05.2024).

4. Бредихин С.В., Кузнецов А.Ю., Щербакова Н.Г. Анализ цитирования в библиометрии. Новосибирск: ИВМиМГ СО РАН, НЭИКОН, 2013. 344 с.

5. Московкин В. Гибельная гонка. Что прячется за лозунгом «Publish or Perish»? [Электронный ресурс]. URL: <https://poisknews.ru/magazine/14172/?ysclid=lwdgwdmwnd724893559> (дата обращения: 20.05.2024).

6. Назаретян А.П. Нелинейное будущее: сингулярность XXI века как элемент мегаистории // Век глобализации. 2015. № 2. С. 18–34.

7. Губанов Н.Н. Паритет технического и гуманитарного потенциалов общества как фактор его устойчивого развития // Alma mater (Вестник высшей школы). 2023. № 8. С. 15–23. DOI: 10.20339/AM.08-23.015

8. Назаретян А.П. Нелинейное будущее. Мегаисторические, синергетические и культурно-психологические предпосылки глобального прогнозирования. М.: Издательство МБА, 2013. 440 с.

9. Губанов Н.И., Губанов Н.Н., Шорикова Е.С. Виды академического мошенничества и его причины // Философия и общество. 2021. № 2 (99). С. 5–22. DOI: 10.30884/jfio/2021.02.01

10. Ализар А. Сговор и жульничество в академических кругах [Электронный ресурс]. URL: <https://habr.com/ru/companies/vdsina/articles/565038/> (дата обращения: 26.05.2024).

11. Быстрый путь к «медленной» науке [Электронный ресурс]. URL: <https://medach.pro/post/2721> (дата обращения: 02.06.2024).

12. Косевич Е. «Публикуйся или умри» – слоган современной академической карьеры [Электронный ресурс]. URL: <https://naukozaciya.com/post/92> (дата обращения: 02.06.2024).

13. Губанов Н.Н., Губанов Н.И. Образование как несущая структура общества знания // Alma mater (Вестник высшей школы). 2022. № 10. С. 30–38. DOI: 10.20339/AM.10-22.030

14. Губанов Н.Н. Образование как первичная среда формирования интеллектуальной ментальности // Alma mater (Вестник высшей школы). 2024. № 5. С. 20–27. DOI: 10.20339/AM.05-24.020

15. Коллинз Р. Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. 1280 с.

16. Пичугина П. Публикуйся или умри? Как ученых заставляют гнаться за рейтингами [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ras.ru/digest/showdnews.aspx?id=e0d446c0-7bb9-4ed3-95d8-99662c9b36cf> (дата обращения: 23.06.2024).

world/poslednee_tabu_kak_na_ukraine_prevrashchayut_russkikh_v_edu (accessed on: 22.05.2024)

4. Bredikhin, S.V., Kuznetsov, A.Yu., Shcherbakova, N.G. (2013). Citation analysis in bibliometrics. Novosibirsk: IVMiMG SO RAN, NEIKON, 344 p.

5. Moskovkin, V.A. A perilous race. What is behind the slogan “Publish or Perish”? [Electronic resource]. URL: <https://poisknews.ru/magazine/14172/?ysclid=lwdgwdmwnd724893559> (accessed on: 20.05.2024).

6. Nazaretyan, A.P. (2015). Nonlinear Future: 21st Century Singularity as an Element of Megahistory. *Century of Globalization*. No. 2. P. 18–34.

7. Gubanov, N.N. (2023). Parity of technical and humanitarian potentials of society as a factor of its sustainable development. *Alma mater (Vestnik vysshey shkoly)*. No. 8. P. 15–23. DOI: 10.20339/AM.08-23.015

8. Nazaretyan, A.P. (2013). A non-linear future. Mega-historical, synergetic and cultural-psychological preconditions for global forecasting. Moscow: MBA Publ., 440 p.

9. Gubanov, N.I., Gubanov, N.N., Shorikova, E.S. (2021). Types of academic dishonesty and its causes. *Filosofia i obshchestvo*. No. 2 (99). P. 5–22. DOI: 10.30884/jfio/2021.02.01

10. Alizar, A. (2021). Conspiracy and cheating in academics [Electronic resource]. URL: <https://habr.com/ru/companies/vdsina/articles/565038/> (accessed on: 26.05.2024).

11. Fast track to ‘slow’ science [Electronic resource]. URL: <https://medach.pro/post/2721> (accessed on: 02.06.2024).

12. Kosevich, E. (2023). “Publish or perish” is the slogan of modern academic careers [Electronic resource]. URL: <https://naukozaciya.com/post/92> (accessed on: 02.06.2024).

13. Gubanov, N.N., Gubanov, N.I. (2022). Education as the supporting structure of the knowledge society. *Alma mater (Vestnik vysshey shkoly)*. No. 10. P. 30–38. DOI: 10.20339/AM.10-22.030

14. Gubanov, N.N. (2024). Education as a primary environment for the formation of intellectual mentality. *Alma mater (Vestnik vysshey shkoly)*. No. 5. P. 20–27. DOI: 10.20339/AM.05-24.020

15. Collins, R. (2002). *Sociology of Philosophies: A Global Theory of Intellectual Change*. Novosibirsk: Siberian Chronograph, 1280 p.

16. Pichugina, P. (2018). Publish or perish? How scientists are forced to chase ratings [Electronic resource]. URL: <https://www.ras.ru/digest/showdnews.aspx?id=e0d446c0-7bb9-4ed3-95d8-99662c9b36cf> (accessed on: 23.06.2024).